

31-НОЯ 1954

Творческий успех

Свои гастроли в Ленинграде коллектив «Театра Польского» начал мужественной трагедией Леона Бручковского «Юлиус и Этель». Вслед за этим театр показал трагикомедию Иьера Корнеля «Сид».

Коллектив театра выдвинул в своем спектакле на первый план философско-этическую тему трагедии. В центре ее — конфликт между долгом и чувством, конфликт, в котором охерживает победу патристический долг.

Пьеса Корнеля переведена выдающимся польским поэтом Станиславом Высянским. Не во всем следуя букве подлинника, перевод сохраняет его творческий дух, подчеркивает его главную идею. Театр в спектакле с большой силой раскрывает способность героев к подвигу, их готовность пожертвовать своим личным счастьем и любовью во имя понятия о чести, во имя любви человека к своей отчизне. Это и делает события, происходящие на сцене, близкими нашим современникам.

Режиссер спектакля Эдмунд Верцинский стремится во всем спектакле передать героический дух произведения. С этой целью ввел своеобразный пролог, в котором от имени переводчика трагедии актер читает стихи Высянского. Обращаясь к зрительному залу, автор стихотворения высказывает мечту о театре будущего, театре, который принесет на сцену большие чувства, волнующие идеи.

Все в этом спектакле строго и просто. В соответствии с задачей постановщика художник Тереса Рощковская создала впечатляющий образ спектакля. Над прозрачной и легкой аркой синее необозримое пространство неба. И в этой синеве, в лаконизме линий как бы заложено то мужественное и оптимистическое начало, которое определяет дух трагедии.

Постановщик почти не прибегает к внешним эффектам. Он старается вместе с художником найти нужную точную деталь. Так, во втором акте чувство скорби, овладевшее героиней трагедии Хименой, передано светом свечей, мерцающих в глубине портала, широкими складками черной, как бы траурной дорожки, брошенной на ступени лестницы. Но даже к таким скупым внешним приемам авторы спектакля прибегают редко. Содержание трагедии передается через характеры действующих лиц.

Коллектив театра, вообще тяготеющий к углубленной психологической разработке характеров, и здесь, в этой трагедии, стремится психологически оправдать каждый поступок героя, объяснить смысл каждой его фразы. Исполнители избегают декламационного пафоса, свойственного в известной мере трагедии Корнеля. Наполненность чувства, глубина переживаний и сдержанность внешних проявлений отличают игру участников спектакля.

Большое впечатление производит исполнение роли Химены актрисой Ниной Андрич. Самые бурные сцены она ведет со сдержанным горделивым достоинством, подчеркивая в образе своей героини ее человечность, ее высокие понятия о долге и чести, без которых для нее невозможно счастье. В последнем акте спектакля Химена говорит: «Я соблюду обет». В этой короткой фразе слышатся и сложная борьба

чувств, которую переживает Химена, и ее победа над собственной слабостью.

С настоящим искусством играет роль инфанты Эльжбета Барщевская. Есть в спектакле безмолвная сцена, когда инфанта, стесая за колонной, наблюдает за тем, как венчают Родриго лаврами после победы, одержанной им над врагом. Актрисе удается передать и тревожную радость за любимого человека, и торжество от одержанной им победы, и горечь того, что это торжество ей надо скрыть. Целая гамма чувств отражается на лице актрисы.

На протяжении всего спектакля его участники стремятся не только показать, но и психологически объяснить, как во имя общественного долга умолкают в человеке его личные чувства. Этой теме подчинено и решение образа дон Родриго, роль которого исполняет Ян Кречмар. В Родриго мы видим отважного человека, для которого высшей обязанностью является служение родине. В исполнении этой роли актером выступает на первый план утверждение гражданских чувств, прославление мужества, героики, которая служит высокой цели.

Мне думается, что, всячески стремясь углубить и объяснить поступки героев, всячески подчеркивая внутренний высокий смысл трагедии, театр не всегда умеет передать все особенности пьесы Корнеля. Коллектив театра в этой своей работе чрезвычайно строго относится к отбору выразительных средств, он стремится сохранить внутреннюю динамику произведения, не прибегая для этого к внешним сценическим приемам. Но вместе с тем иногда кажется, что весь ритм спектакля мог быть более напряженным, стремительным, бурным, что подчас характер высоких чувств героев Корнеля требует и более богатой палитры красок. Например, когда в сцене, предшествующей появлению Родриго-победителя, проходят один за другим воины со знаменами, весь смысл и характер этой сцены не соответствуют тому спокойному, а бы сказал, созерцательному, ритму, в котором она поставлена. Здесь нужны были бы большая напряженность, большая порывистость и смелость движения.

Я говорю об этом не для того, чтобы уменьшить значение во многом новаторской трактовки «Сиды». Но именно потому, что это значение велико, что театр считает постановку трагедии Корнеля для себя принципиальной и существенной работой, мне хочется с полной откровенностью сказать своим друзьям о том, что могло, на мой взгляд, еще усилить звучание этого монументального мужественного спектакля.

Классическая трагедия показана на сцене театра наших друзей как трагедия больших чувств, как гражданская трагедия. Театр живет интересной творческой жизнью. Его поиски отмечены смелостью мысли и глубиной содержания.

Я убежден, что «Театр Польский» стоит на верном и благотворном пути. Сегодняшние достижения театра свидетельствуют о его крупных творческих успехах и обещаю новые завоевания в будущем.

К. СКОРОБОГАТОВ.
Народный артист СССР.